

Примечание: продолжаем традицию ленивых изменений в названиях

ooOoo

Парень, который произносил скучную речь о политике, оказался Йохонам Дресслером*, председателем Джерменской Рабочей Партии. Несмотря на свою невзрачное выступление, ДРП была настоящей партией и могла похвастаться четырьмя членами федерального парламента. По общему признанию, это была небольшая часть от парламента, включающего 480 человек, но для меня это было настоящей удачей встретить такую важную персону и привлечь её внимание.

Я старалась произвести хорошее впечатление, и в конце концов мы заключили сделку: я выступала от имени партии в обмен на денежные выплаты. Если всё пойдет хорошо, у меня будет шанс вступить в исполнительный комитет. Как и следовало ожидать от опытного политика, Дресслер заключил сделку, которая обошлась ему недорого, но могла принести большую выгоду. И всё равно я была счастлива.

В конце концов, у меня было преимущество перед всеми в этом мире. Хотя я и работала в отделе кадров, но всё же приобрела неплохие знания о методах продажи. Кроме того, как потребитель я была подвержена политическим кампаниям, которые были результатом десятилетий современных улучшений. Создание успешной рекламной кампании в этих примитивных условиях должно быть в моих силах.

Для меня обеспечение личной кормушки в политической партии было лучше, чем получение правительственной работы. Лучше, поскольку это было не запрещено международным договором. Было ли лицемерием с моей стороны, сторонника свободного рынка, так стремиться работать на государство? Думаю, да.

Я никогда не претендовала на образец добродетели. Я всегда считала себя рациональным человеком, который реагирует на стимулы так же, как и любой другой. Это было рационально искать стабильную позицию во время неопределенности. Когда гиперинфляция делает всех неспособными продолжать платить даже прожиточный минимум, я хотела, чтобы моя работа была как можно ближе к людям, которые контролируют печатные станки на национальном монетном дворе. Даже небольшая политическая партия, естественно, будет иметь больше политического влияния, чем большинство предприятий.

Чтобы сделать хорошую работу и получить постоянную должность, моей первой задачей было провести исследование рынка. В армии я никогда не уделяла особого внимания внутренней политике. К счастью, было довольно легко войти в курс дела. В столице было полно людей, жаждущих поговорить о политике. Страна только недавно превратилась из империи в республику, а также проиграла войну и потеряла огромное количество территории. Никто точно не знал, что ждет их в будущем, но у каждого было своё мнение о том, что должно делать правительство.

Проще говоря, это был настоящий бардак. В зависимости от того, как вы подсчитываете, существовали всего четыре или пять политических партий с более чем десятью процентами голосов. Никто из них не мог рассчитывать на получение более двадцати процентов. Ещё три или четыре партии имели значительный уровень поддержки, но ниже десяти процентов голосов. Затем была куча партий, у которых были собственные представители в парламенте, но численно их доля была более или менее погрешностью округления. Моя новая партия принадлежала к последней группе.

В конце концов, Джермения имела удручающее большое число сторонников истинных синих коммунистов. Их число в национальном парламенте было низким, но лишь потому что они настаивали на революции. Если бы они поощряли своих сторонников голосовать за них, они быстро бы стали политической партией первого эшелона. На данный момент, однако, они были сосредоточены на вербовке в свою революционную армию, а также на травлении головорезов на так называемых "капиталистических собак" - другими словами, эффективных критиков коммунизма.

Для формирования политического большинства в парламенте требовалась внушительная коалиция из четырёх различных партий. Даже в этом случае дезертирство любой из сторон означало бы потерю абсолютного большинства. В нормальной стране ситуация была бы нестабильной. В стране, которая ещё не оправилась от унижительного поражения и противостояла коммунистическим агитаторам... правильно, всё было в полном беспорядке.

Хотя, всё это было неважно, так как моей единственной задачей являлось повышение привлекательности Джерменской Рабочей Партии. Двумя столпами ДРП можно было охарактеризовать как неприязнь к договору Триано и поощрение научного социализма.

Что касается договора Триано, то его ненавидели почти все джерменцы. Договор разрушил нашу страну и наложил огромные репарационные выплаты, которые мы едва могли себе позволить. Проблема была в том, что с этим делать. Договор не был тем, на что мы добровольно согласились с самого начала. Это было нечто навязанное нам силой, и прямое нарушение договора привело бы к тому, что эта сила вернулась бы, чтобы раздавить нас ещё больше.

Некоторые партии предлагали полностью соблюдать договор. Основная идея заключалась в том, чтобы завоевать расположение или, что менее милосердно, выслужиться перед нашими завоевателями. Другие выступали за различные способы пассивно-агрессивного или законного уклонения от наших обязательств. Джерменская Рабочая Партия заняла относительно жёсткую позицию на этот счёт, которая, как я полагала, являлась основной причиной поддержки партии населением. Ну, это и тот факт, что Дресслер был выдающимся бывшим солдатом, который хорошо ладил с другими бывшими солдатами. После окончания войны численность безработных бывших солдат стала удручающе большой.

Концепция научного социализма была любимым проектом Дресслера. Он был рад подробно рассказать о любой детали, связанной с его теорией управления. Сорока восьми часовая рабочая неделя была предписана наукой. Сорока часовая рабочая неделя была коммунистическим заговором. Хорошие пособия по безработице жизненно важны для здоровья государства, но слишком щедрые пособия будут способствовать лени и безделью. Другими словами, этот человек был в некотором роде занудой.

В каком-то смысле было воодушевляюще слушать кого-то, кто был окрылён темой разговора. В более конкретном смысле это была такая ужасная скука, что я подозревал, что просто отбросив её полностью, мы значительно улучшим нашу способность вербовать сторонников. К сожалению, Дресслер, очевидно, не принял бы столь радикального изменения того, что он считал сердцем партии. Мне просто придется работать вокруг этого с помощью чуда современного маркетинга.

Надо иметь в виду, что в парламентской системе не надо было добиваться теплой доброй воли в сердцах избирателей. Люди не нуждались в компромиссах и могли поддержать партию своей мечты, успех которой был пропорционален их доли голосов. В отличие от двухпартийной системы, не существовало реальной концепции "напрасного голосования". Поэтому лучше, чтобы 10% людей любили тебя и 90% ненавидели, чем чтобы 5% людей любили тебя и 95%

даже не интересовались тобой. Будь то ненависть или безразличие, цена одного потерянного голоса будет одинаковой.

Соответственно, что касается договора Триано, то мы должны решительно отвергать его. Но что это? Если мы откажемся от договора, нас раздавят враги? Для меня это звучит как самая настоящая трусость. Если народ Джермении стоит вместе с Богом на нашей стороне, то кто может противостоять нам? Да здравствует Империя!

По большей части люди не стали бы голосовать за политику самоубийства нации. Но в большой группе людей всегда найдутся те, кто верит во что угодно. Даже в современном обществе, вы найдете десять-пятнадцать процентов людей, которые верят в инопланетные похищения. Должно быть по крайней мере столько же людей, которые думают, что мы сможем победить, если попробуем хоть ещё раз. Лучше всего то, что у людей, которые хотят прямо отвергнуть договор, в настоящее время нет политической партии, чтобы представлять их. Это основной принцип рынка. Чтобы получить прибыль, нужно выявить недостатки обслуживаемого рынка и удовлетворить потребности людей.

Конечно, проблема заключается в том, что проведение такой политики разрушит страну. Представьте, что произойдет, если мы действительно получим власть? К счастью, эта проблема разрешается сама собой. Занимая открытую позицию в угоду безумной политики, мы могли бы гарантировать, что никогда не окажемся у власти. Пожизненное место в парламенте без всякой ответственности за то, что делает правительство, казалась мне идеальной работой.

Что касается научного социализма, то, хотя он и не мог быть снят со сцены, его значение в партии можно было бы уменьшить. Вместо того, чтобы подробно рассказывать о деталях каждой программы, я могла бы просто намекнуть на то, что произойдет. С рабочими будут обращаться с достоинством. Каждый сможет зарабатывать себе на жизнь. Безработные будут защищены системой социальной защиты. Что именно это значит? Я рада, что вы спросили, и Мистер Дресслер будет счастлив обсудить это с вами после того, как я закончу свою речь. Будьте уверены, что на любой конкретный вопрос, в котором вы заинтересованы, безусловно, будет предоставлен ответ.

Теории Дресслера никогда не будут иметь большого значения, но я была уверен, что смогу, по крайней мере, уменьшить степень, в которой они отталкивают людей. Мы избежали бы любых проблем с невыполнением обещаний, как только мы бы получили власть, которая была бы ограничена другой, более безумной, частью нашей партийной платформы.

Была ещё одна вещь, в которой мы нуждались: козёл отпущения. Империя проиграла войну. Это плохо. Среднестатистический гражданин был очень зол на это. Человек, который хотел разорвать договор Триано, - только больше. Весь этот гнев требовал выхода. В конце концов, нет более легкого способа сблизиться с людьми, чем ненавидеть кого-то одного, кто вам обоим не нравится. Дресслер, как правило, винил в результате войны различные религиозные и этнические меньшинства, хотя конкретная теория менялась день ото дня.

Ничего хорошего из этого не вышло бы. Эти этнические и религиозные меньшинства могут голосовать. Может, их и не так много, но у нашей партии было не так много сторонников, чтобы мы могли позволить себе кого-то выбросить. Вместо этого было гораздо лучше направить наш гнев на группу, которая не могла голосовать на наших выборах: иностранцев. В частности, Франсуа.

Честно говоря, их действия были немного подлыми. Они вторглись в нашу страну без какой-либо реальной причины, в то время как наша армия была занята ответом на столь же

неспровоцированное вторжение Антанты. Затем, потерпев сокрушительное поражение, они обратились с просьбой о перемирии и вместо того, чтобы приступить к переговорам о мире, использовали предоставленное им время, чтобы собрать свои силы и продолжить ожесточенное сопротивление. Если хорошенько подумать, то каждая проблема, терзавшая Джермению, могла быть связана с вероломными действиями Республики Франсуа.

Вторжение Франсуа было рациональным, даже предсказуемым ответом на контрнаступление Антанты? У Республики не было выбора, кроме как вторгнуться, чтобы сохранить свою национальную стратегию давления на внешние линии Империи? Возможно, академик мог бы сказать это, но, честно говоря, я бы не хотела быть человеком, пытающимся ответить с помощью этого аргумента в Беруне кучке безработных ветеранов.

Так что после недели исследований я начала склоняться в пользу абсурдно воинственной внешней политики, приятных, но маловероятных правительственных расходов и ненависти к соседней стране.

ooOoo

- Для нашего правительства стать сборщиком налогов для Франсуа - это позор! Если месье Мирандэ хочет взять хлеб с наших столов, пусть он сам придёт за ним!

Я остановилась на мгновение, чтобы успокоиться, и оглядела толпу. Результаты моих разжигательных агитаций уже стали очевидны после двух месяцев усилий. Там, где Дресслер обращался к полупустым и наполовину заинтересованным пивным залам, сегодняшнее место было заполнено и потрескивало от энтузиазма. Я бы не сказала, что здесь было не протолкнуться, но, оглядевшись, я не увидела ни одного свободного столика.

- Помните, голос за Джерменскую Рабочую Партию - это голос за сильную Джермению! Голосуйте за благополучную Джермению! Пока народ Джермении будет держаться вместе, мы никогда не потерпим поражения! Спасибо вам за вашу поддержку!

Зал взорвался бурными аплодисментами. Ах, демагогия - это стоящая работа. Когда рёв толпы начал стихать, группа на сцене начала

распевать старую имперскую песню о величии джерменского народа. Это было не так провокационно, как имперский национальный гимн, но и она донесла моё послание. Я спрыгнула со сцены и смешалась с толпой, когда Дресслер поднялся на сцену после меня. Это было немного жестоко, но я надеялась, что разница в реакции толпы на его аналитический подход по сравнению с моим вбросом куска мяса, поможет доказать мою ценность для партии.

Мне не потребовалось много времени, чтобы добраться до конца комнаты. Здесь было достаточно тихо, чтобы вести беседу, и можно было говорить, не прерывая лекции Дресслера. Как и ожидалось, я нашла своего старого друга, сидящего в одиночестве в кабинке. Мой лейтенант, хотя, сейчас вернее сказать, Виктория Серебрякова. Казалось, она глубоко задумалась, склонив голову над стаканом. Странно было видеть её в штатском.

Я улыбнулся ей, когда я скользнул в кабинку, чтобы присесть напротив неё. - Давно не виделись, Виша. Тебе нравится мирное время?

- А? Всё хорошо, хорошо... Горячая еда и душ каждый день - это просто отлично... - сказала она, хотя выглядела обеспокоенной. - В последнее время... я чувствую себя немного бесцельной.

Как и ожидалось от члена моего батальона. Виша была относительно уравновешенной, но в душе она всё ещё боевой маньяк. Мне придется взять её под свое крыло, чтобы помочь ей использовать её навыки в частном секторе.

-Знаешь, партия скоро должна сделать меня членом исполнительного комитета. Мне бы пригодился адъютант.

Прежде чем ответить, она взглянула на стол и закусил губу. - Разорвать договор Триано, а затем выиграть войну... мы действительно можем это сделать?

Это было легко забыть из-за ее невинной внешности, но у Виши был острый военный ум. Она была асом в своём деле и сражалась рядом со мной на каждом поле боя во время войны. Вполне естественно, что она заметила, как трудно мне будет выполнить все, что я обещала на сцене. Неважно насколько она изнывала от скуки, вряд ли она согласится последовать за безумцем на войну, в которой невозможно победить.

- А ты как думаешь?

Я не могла просто объявить на весь бар, что лгала им весь этот вечер, так что мне приходилось полагаться на более тонкий сократовский метод, чтобы сказать Више, что я вижу то же, что видит она. Вместо того, чтобы втягивать страну в войну, я намеревался обманом заставить избирателей обеспечить меня тёпленькой работой, и если она мне поможет, я смогу помочь войти в эту тёпленькую жизнь ей самой.

- Я поняла, - сказала она, и нерешительность исчезла из её глаз. - В таком случае я последую за вами!

Судя по ее энтузиазму, она действительно изнывала от скуки с тех пор, когда нас выгнали из армии. Ну, это действительно не мое дело. Я был просто счастлив, что она со мной. Доверенная и компетентная помощница была на вес золота. Я начала было инструктировать её о ближайших обязанностях, но вскоре меня прервал шум у входа.

Мне пришлось встать на сиденье, чтобы посмотреть, что происходит. Поднявшись на цыпочки и вытянув шею, я увидел группу крупных мужчин с красными повязками на рукавах, которые пробирались внутрь.

Коммунисты. Я ненавидела этих парней.

Когда я читала о коммунистах в исторических книгах, мне сразу же не понравилось их идиотское неприятие свободного рынка и упрямое нежелание признать свои ошибки, когда их революционный рай рушился вокруг них. Добавьте к этому кучу зверств, которые требовались, чтобы держать коммунистов под контролем, и будет справедливо сказать, что я презирала их.

Однако это чувство побледнело по сравнению с тем гневом, который я испытала, впервые встретив коммунистов во плоти. Я оделась неприметно и присутствовала на митинге в рамках разведки политической оппозиции. Видеть, как кто-то встает на сцену и призывает отменить общественную собственность в пользу мира, где всё решает партия, заставило мою кровь кипеть. Если бы у меня была сейчас нормальная вычислительная сфера, не уверена, что так просто бы оставила эту кучку предателей.

Коммунистическая партия, конечно, не ограничивалась убеждениями здравого смысла. Их привычка натравливать головорезов на конкурентов была направлена на сохранение их собственного эксклюзивного доступа к источнику вероятных новобранцев. Иронично-

меркантильный подход. В прошлом они более или менее игнорировали Джерменскую Рабочую Партию. Для них появление сегодня было знаком того, что мой подход был успешным. По крайней мере, это означало, что я создаю заметный отток с их целевого рынка людей, готовых разрушить общество и попытаться построить что-то лучшее.

Группе коммунистов удалось протиснуться в центр пивной, пока я пыталась взять себя в руки. Теперь, когда они стояли как на ладони, я могла их как следует сосчитать. Двенадцать человек, все готовые к бою. У нас было всего пять человек, готовых действовать жёстко, и, честно говоря, они были больше похожи на вышибал, чем на солдат. Толпа, которая так восторженно аплодировала, в основном отодвинулась от надвигающегося насилия, рассматривая его как часть вечернего развлечения.

Политическое насилие здесь воспринималось совсем не так, как в моем родном мире. В современной Японии политическая партия, активно поддерживающая физическое нападение на своих оппонентов, может ожидать только бури осуждения. Если сторонники двух разных партий ввязались бы в драку, каждая сторона бросилась бы к средствам массовой информации, чтобы заявить, что они являются невинными жертвами жестокого нападения. Республиканская Джермения была более суровым и беспокойным местом. Пока никто не умер, определенный уровень насилия рассматривался как естественная часть политики. Победа в бою была важнее, чем попытка установить моральное превосходство.

Мне придется взять дело в свои руки, если я хотела, чтобы всё закончилось хорошо. К счастью, коммунисты все еще толпились вокруг и не спеша оценивали Дресслера и двух вышибал, охранявших сцену.

- Джентльмены, - крикнула я, стараясь, чтобы мой голос разнесся по всей комнате, - боюсь, в этом баре не подают ни собакам, ни коммунистам.

Группа повернулась и уставилась на меня, прежде чем явный лидер выступил вперед, хрустнув костяшками пальцев. - Всё в порядке. Мы здесь не для того. Мы здесь для дискуссии.

- Вполне справедливо. - согласилась я. - Полагаю, мне следует общаться с вами так, чтобы вы меня поняли.

С этими словами я активировала магическую формулу, увеличивающую мою физическую силу, и прыгнул к группе мужчин. Я приземлилась вне их досягаемости и наложила на себя заклинание ускорения поверх физического усиления. Толку от этого было немного. Настоящий вражеский маг застрелил бы меня и убрал пистолет в кобуру прежде, чем я успела бы понять, что произошло. Но против необученных драчунов этого было более чем достаточно. В моих глазах мои противники выглядели так, словно они пытались проплыть сквозь патоку, когда я нетронутым метнулась вперед и ударила их лидера между ног.

Без надлежащей вычислительной сферы я не смогла бы сделать ничего забавного, вроде вбивания его в потолок. Тем не менее, моя нога смогла придать ему достаточно силы, чтобы подбросить его на полметра в воздух. Я наблюдала в замедленной съемке, как по телу остальных коммунистов пробежала дрожь, когда они поняли, что произошло.

Воспользовавшись короткой паузой, я отступила назад и, наклонившись, ухватила за ножку стула, который был оставлен ранее. Шаг вперед привел меня в их зону досягаемости, и я перекинула стул через себя. Он с силой врезался в группу, отчего двое мужчин отлетели в сторону, а стул разлетелся на куски. Ножка стула, которую я держала в руке, была вполне подходящего размера для дубинки.

Всё, что произошло после этого, превратилось в какое-то смазанное красное пятно. Когда я пришла в себя, я стояла посреди одиннадцати бесчувственных тел.

Хм. Я могла бы поклясться, что раньше их было двенадцать. Повторная проверка подтвердила, что я избила только одиннадцать из них до потери сознания. Только когда я оглянулась на нашу кабинку, всё стало ясно.

В середине схватки один из мужчин ускользнул и направился в сторону к Више. Хотел ли он взять заложника или просто сбежать, я не могла сказать. В любом случае, мне ничего не оставалось, кроме как наблюдать. Она крепко сидела на его спине, обхватив обеими руками его шею. Не прошло и нескольких минут, как он упал на колени, а затем на пол, полностью вырубленный. Со своей стороны, Виша отпустила его и отпрыгнула в сторону как раз перед тем, как он упал ей на лицо. Она была совершенно спокойна, пока не поняла, как много внимания было обращено на неё, после чего покраснела и попыталась спрятаться в нашей кабине.

Это напомнило мне, что я должна что-то сказать. Сначала я направился к человеку, которого Виша вырубил, и бросила его к куче его товарищей, давая себе время подумать. Затем я уперла руки в бока и повернулась лицом к толпе.

- Эти дегенераты проповедуют коллективизм, потому что они слишком слабы, чтобы стоять на собственных ногах! - Объявила я. - Не знаю, возможно ли выбить из них дурь, но я, конечно, попытаюсь!

Это вызвало одобрительные возгласы в толпе. Я подождала, пока они отвернутся от меня и начнут разговаривать между собой, и только тогда расслабилась. Я села на скамейку и подвинулась к Више поближе, чтобы похлопать её по плечу.

- У тебя столько времени заняло то, чтобы вырубить всего одного человека... Ты размякла, - поддразнила я ее. - Жаль, что больше нет Рейнского фронта, чтобы сбить с тебя ржавчину."

- Да, майор, - сказала она, не отрывая взгляда от стола.

Одна маленькая драка, и она уже чувствовала ностальгию столь сильно, что даже назвала меня моим старым званием. Честно говоря, было удивительно, что верховному командованию удалось убедить армию сдаться. Думаю, в конце концов имперская дисциплина оказалась сильнее имперского боевого духа. Этого было достаточно, чтобы заставить меня нервничать. Мне нужно было официально нанять Вишу в качестве моей помощницы, прежде чем она отправится на кровавые пастбища.

Весь бар все еще гудел от разговоров. Посмотрев на него, я увидела, что Дресслер решил сократить свою речь. Пока я наблюдала, он закончил разговор с группой вышибал и начал смешиваться с толпой. Вышибалы, со своей стороны, начали оттаскивать в сторону потерявших сознание коммунистов. Я не могла не заметить, что они уносят их в заднюю комнату, а не выбрасывают на улицу. Ну, когда ты пытаешься испортить чью-то вечеринку, я полагаю, ты не всегда можешь уйти, когда захочешь.

Я выбросила это из головы и повернулась к Више. - Не волнуйся, я что-нибудь придумаю. Давай, нам надо поговорить с боссом.

Я потянула её за руку и практически вытащила её из-за стола. Толпа вежливо расступилась, когда мы направились к Йохану Дресслеру. Казалось, он почувствовал наше приближение и

повернулся к нам лицом. Я мягко подтолкнула Вишу вперед, когда мы приблизились на достаточно близкое расстояние.

- Мистер Дресслер, это моя хорошая подруга Виктория Серебрякова. Она ненавидит коммунистов почти так же сильно, как и я, и я думаю, что она станет прекрасным дополнением к партии, - сказала я. Я изобразила на лице свою лучшую профессиональную улыбку, прежде чем продолжить. - Я также думаю, что это хорошее время, чтобы обсудить мою будущую роль в партии.

Настаивать на повышении после выполнения достойной службы было просто здравым смыслом.

ooOoo

*Отсылка на реально существующего Антона Дрэкслера, основателя Немецкой рабочей партии

<http://tl.rulate.ru/book/25868/538162>